

В ПОИСКАХ ЯРКОГО

ОДНАЖДЫ мой знакомый генерал, командир соединения, пригласил меня на заключительный концерт художественной самодеятельности гарнизона.

— Посмотрите свежим глазом наши таланты, — сказал он. — Может, что подскажете.

Клуб был набит до отказа, в дверях слышалось: «Тише, товарищи, не напирайте. Куда же вы, дышать нечем! Двери ломаете».

Генерал улыбнулся:

— Так каждый раз, когда наши концерт дают. Аншлаг!

Концерт начинали ведущие. Их было двое, они стояли справа и слева по порталу — один блондин, другой брюнет, оба рослые и стройные. Заставками, написанными, видимо, ими самими в стихах, они ярко и образно, с легким юмором и по-деловому сообщили зрителям «цель и задачу» концерта, дали краткие характеристики отдельным исполнителям. Говорили слаженно, без «актерствования», с эталонным боевым задором, умно. Их встретили аплодисментами.

Затем вышла певица, молодая женщина в длинном, с претензиями на туалет оперной примадонны платье. До первых аккордов откашлялась, лизнула языком по губам и запела неровно, судорожно. Волновалась? Нет, скорее робела. Со скальзывала с тональности, терзала в руках носовой платочек.

Вновь появились балагуры-ведущие, в короткой интермедии о чем-то заспорили, что-то очень рьяно доказывали. И вновь они показали мне одаренными в таком трудном жанре ребятами. Бывает, артист лезет из кожи, чтобы рассмешить публику, удачно составить, ярко поставить точку в конце выступления, и даже становится жаль его, ничего-то у него не получается, безмолвствует зал. Здесь же у ребят получалось все как надо, их с нетерпением ждали после каждого номера.

И вот они объявляют номер: «Поет Евгений Тархов!»

— Наш отличник! — шепнул

мне генерал, пока Тархов подходил к роялю. — Танкист. Мастерски владеет новейшей машиной, на учениях показал себя. Орел!

Тархов стоял у рояля. Зал ждал. Тархов выдерживал паузу, собирал внимание. Был он высок, худ, плечист, на лоб спускались коротко подстриженной челкой соломенно-желтые волосы. Сейчас, думается, после вступления аккомпаниатора в зал хлынет густой бас, пропитанный выхлопными газами танка, голос, задубленный, отстоявшийся на полях тактических учений.

И вот танкист запел...

Я ахнул — никакого баса! Без объявления названия песни (ее все знали) Тархов зазвенел серебряным колокольчиком, запел легко, прозрачно. Нет, он был сейчас вовсе не орлом, а другой какой-то, совсем другой уникальной певчей птицей.

Зал слушал изумленно, будто впитывал каждую ноту, малейший нюанс голоса певца, и разражался в конце неистовым, единым хлопком сотен ладоней.

— Где он учился? — спросил я генерала.

— В танковом подразделении, — с улыбки ответил он.

— Нет, нет. Где он учился петь?

— Там же. Все там же, — отшучивался генерал. И добавил: — А танкист какой! Отслужит свое — пошлем учиться по-настоящему.

Дальше, как мне показало, концерт шел по «нисходящей», сильнее Тархова не было.

По дороге назад я говорил генералу о своих впечатлениях. Возможно, что не все они были лестными. Заметил, между прочим, что в погоне за тиражностью самодеятельных коллективов мы нередко еще растрчиваем попусту и время, и деньги, достигаем слабых художественных результатов. Это порой чувствуют и сами участники самодеятельности и испытывают неловкость. В то же время мы мало ориентируем наиболее талантливых, ярких самодеятельных исполнителей на глубокое, все-

стороннее и сосредоточенное отношение к делу. Почаще бы нужно вспоминать слова великого Щепкина об искусстве: «Священнодействуи или убирайся вон!»

СЕЙЧАС, когда повсеместно проходит Всесоюзный фестиваль самодеятельного искусства, наши творческие поездки в войска, многочисленные встречи мои и моих коллег с энтузиастами армейской и флотской сцены вспоминаются вновь и вновь. Тем более, что в задачу фестиваля в честь 50-летия Великого Октября входит не только, скажем, вовлечение свежих сил в ряды художественной самодеятельности, не только повышение идейно-художественного уровня творчества масс, но и укрепление творческих взаимосвязей массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства. В частности, внимание к армейским и флотским любительским коллективам со стороны творческих союзов, расширение шефской помощи, как ничто другое, может способствовать развитию талантов, совершенствованию их мастерства.

Наши связи с армией и флотом традиционны, шефство работников искусств над Советской Армией исторично — оно всегда датируется той же круглой цифрой, что и сама история существования Советской Армии. Пером не описать, пожалуй, всего, что сделали для наших солдат артисты, художники, музыканты, писатели! Велики списки работников искусств, отдавших жизнь в окопах и блиндажах, на переднем крае и на полях сражений. Они поднимали боевой дух войск, облегчали бойцам переносить фронтовые тяготы. Они гибли при исполнении своих обязанностей. Зато когда, казалось, людей вот-вот оставят воля и силы, нередко крылатая песня, твердое художественное слово, звуки героической симфонии, подобно команде, возвращали солдат в строй, помогали подниматься в атаку. Так было в гражданскую вой-

ну, в Великую Отечественную. Так будет всегда. И наш долг — работников искусств — не ослаблять связей с воинами, не просто развлекать людей в военной форме, но и заботиться о росте талантов в частях и подразделениях, искать и находить все яркое, самобытное, возвращать его своим вниманием, чуткостью.

Кстати, яркого, самобытного, настоящего талантливого в Советских Вооруженных Силах немало. В этом убеждает буквально каждая поездка в войска. И как же иногда хочется дорожить случаем!

Помните, мы давали концерт в одной из частей Северной группы войск. За кулисами шла обычная актерская жизнь: кто-то гримировался, кто-то тихонько «искал звук», балет делал разминку, другие просто ждали своего выхода.

А в сторонке сидел солдат и на обороте нашей афиши что-то рисовал, около него — пузырьки с гуашью и кисти.

Но вот концерт закончился. Начались традиционные, но вечно такие трогательные благодарственные речи в наш адрес и ответные речи руководителя бригады артистов.

И вдруг на сцену вышел тот солдат, что сидел над куском афиши. Он нес вперед себя какой-то портрет, подошел ближе, сказал:

— Вы сегодня посвящали свое творчество нашим воинам. Позвольте же мне в знак благодарности преподнести свое скромное творчество — портрет моей матери, написанный по памяти.

И протягивает свой рисунок мне. С куска ватмана выполненное двумя цветами — черным и желтым — смотрело на меня лицо женщины в платке. Удивительное лицо — многообразное воплощение черт внешних и внутренних: глубокие, не то смеющиеся, не то строгие глаза, живой рот с пухлыми улыбающимися губами. Впадины щек делают женщину уставшей, но необыкновенно привлекательной. На первый взгляд, казалось, портрет не представляет ничего особенного. Но вот смотришь на него, и кажется, черты лица оживают — оно то угрюмое, то веселое, то доброе, то сердитое, и хочется смотреть на него дольше. Незабываемое лицо!

Не забудется мне и солдат, подписавший под портретом, — «А. Сизов из г. Невеля».

Портрет этот висит у меня дома, и все, кто бы ни приходил, обязательно обращают на него внима-

ние, неизменно восклицают: «Здорово!», «В этом что-то есть», «Талантливо!»

Дорогой товарищ Сизов! Я помню вас всегда. Надеюсь, помните и вы про все, о чем мы говорили. Но хочется еще раз, пользуясь случаем, пожелать вам стать большим художником. И я уверен, вы непременно станете им, при условии упорного, вдохновенного, кропотливого труда. Так же, как тот самый Евгений Тархов, о котором я сказал вначале. С большой радостью недавно я узнал, что бывший танкист ныне успешно учится в консерватории на вокальном факультете — человек уверенно движется к мастерству.

И не один Тархов.

Мне, например, всегда памятно Заполярье и люди, что служат там, несут свою неустанную морскую вахту в гранитных склепах губ-фиордов за ледяными берегами Баренцева моря. Ах, какое соцветие поэтов, композиторов, прозаиков в морской форме встретилось мне там: В. Матвеев, Г. Сороковников, Б. Победимский, В. Дунаев, А. Мерович, В. Бородин, Н. Хусейнов!

Самодеятельные поэты, прозаики, недавно некоторые из них уже стали членами Союза писателей СССР. В добрый путь!

МНОГО, конечно, у нас, работников культуры, задач. И все же среди других обязанностей я бы выделил еще одну, касающуюся пропаганды советской культуры, содействия эстетическому воспитанию воинов. В этих вопросах мы можем оказать защитникам Родины неоценимую услугу. Приведу такой факт.

Дело было в Группе советских войск в Германии. Пришли к нам в гостиницу солдаты и офицеры. Человек десять. И без обиняков: «Хотим создать в гарнизоне университет культуры, помогите открыть первый урок!»

Мы задумались: у артистов, когда они выезжают в войска, план бывает таким жестким, что и минуту трудно выкроить, все время «на колесах». Каждый человек в концерте — незаменим. Посовещались, как быть. И приняли решение: часть бригады выедет в соседний гарнизон раньше, а мы подоспеем ко второму отделению. Так и сделали.

Перед клубом висела красочная, необычная афиша: «Первый армейский университет культуры! Занятия проводят мастера музыки и

слова, артисты московских театров и Московской консерватории. Тема первого занятия: «Как слушать музыку».

Давно мы так не волновались. Зал был набит битком.

Два часа без перерыва длилась лекция-концерт. У нас до сих пор хранятся записки, присланные за кулисы, записки с просьбами, взволнованными нас до глубины души жаждой к музыке, к песне, к поэзии. «Расскажите о «Грезях любви» Листа», «Что написал, кроме полонеза, Огинский? Если можно, исполните», «Расскажите о «Катерине Измайловой» Шостаковича», «Кто писал музыку к стихам Есенина?», «Что вы знаете о Гершвинге?» и т. д. Право, некоторые просьбы ставили нас в тупик, но и радовали не меньше.

На вечерний концерт мы тогда опоздали. Антракт там длился больше часу, но мы были счастливы безмерно...

В поисках яркого, заботясь о солдатских и матросских дарованиях, работники искусств тем самым вкладывают свою лепту в развитие армейской и флотской самодеятельности в целом. Такие поиски обычно приводят к счастливым находкам, они всегда радуют, рождают в душе чувство удовлетворенности сделанным. Чем больше таких встреч, наблюдений, тем тверже вывод: армия талантов в армии солдат! Остается лишь предугадать их: искусство не любит избалованных, обожает трудолюбивых, и только тогда приходит настоящее вдохновение — дорогое, желанное ощущение, делающее исполнителя сильным, стойким, умеющим владеть собой и сердцами других.

Б. ПОПОВ,
заслуженный артист РСФСР,
артист Государственного
ордена Ленина академического
Малого театра.